Космопорт у Иерихонских Водопадов, сияющий маяк в непроглядной мгле пылевой бури, примостился у подножия гор. Пылевые бури были в порядке вещей на Гидре Кордатус — просто очередная неприятная особенность планеты, которую нужно перетерпеть. Космопорт представлял собой типичный имперский комплекс построек и мог похвастаться тремя дюжинами зданий: от бронированных ангаров для «Мародеров» и «Молний», станций заправки и техобслуживания до казарм и ремонтных сараев. Взлетные полосы, окруженные по периметру трехметровой стеной, покрывали восемьдесят процентов территории и были готовы принять или запустить в воздух целую эскадрилью самолетов за какие-нибудь пять минут.

Космопорт мог обслуживать даже огромные транспортные шаттлы для перевозки боевых титанов, хотя вот уже много лет никакой корабль крупнее «Громого Ястреба» не появлялся в его ангарах.

Командный пункт космодрома находился в месте, называемом солдатами «Надежда» из-за самой распространенной молитвы среди гвардейцев, что базировались на Гидре Кордатус и «надеялись» избежать службы в Иерихонских Водопадах. «Надежда» — массивная бронированная башня с приплюснутой крышей, расположенная на северной границе взлетных полос — была окружена стеной из рокрита, усиленного адамантием, специально привезенным с верфей Калта. Воюющие ветры носились по всей территории, разнося жесткую пыль, что забивалась во все складки униформы, лезла в рот и под очки, ослепляя и заставляя кашлять.

Единственный вход в «Надежду», он же выход, был через адамантиевую дверь, которую запирали четыре гигантских поршня. Здесь, в казармах и бронированном ангаре, были расквартированы пять рот Джуранских драгун. Зеленые и красные огоньки мигали на многочисленных посадочных площадках и полосах, мощные электрические дуги боролись с вихрями пыли, освещая внешний периметр базы, а патрульные машины, специально оснащенные для функционирования в условиях пылевых бурь, кружили вокруг базы и их фары с трудом пробивались сквозь мглу.

Внутри «Надежды» царил атмосфера подавленности, обычная для предрассветного времени — впрочем, как и для любого другого. За час до смены персонал начал нервничать и терять терпение. Мягкое тиканье вычислительных механизмов и приглушенные разговоры внутри патрульных машин и среди солдат — вот и все звуки.

Третий оператор, Ковал Перонус, потер усталые глаза и отхлебнул немного кофеина. Напиток был холодным, но подействовал все равно. Оператор снова потянулся к вокс-панели.

— Наблюдательный пост Сигма IV, ответьте, — произнес он, но услышал только шум статики. Он сверился с часами. Прошло уже два часа с того момента, как Хоук вышел на связь. Он опаздывает. Уже в который раз.

— Наблюдательный пост Сигма IV, ответь, Хоук. Я знаю, что ты там, так что возьми чертов вокс!

Раздраженный Ковал бросил трубку вокса и снова глотнул кофеина. Да чтобы он еще доверил

этому чертову Хоуку даже гаечный ключ! Надо попробовать еще раз, и если опять не ответит, то придется сообщить начальству, и тогда, Хоук, держись!

Он вызвал опять. Ничего.

— Ну, ладно, Хоук. Тебе же по заднице надают, если ты опять заснул на посту, — пробормотал он и включил соединение с адептом.

— Да, третий оператор? — отозвался адепт Цицерин.

— Простите, что отвлекаю вас, адепт, но у нас, возможно, возникла проблема. Один из сторожевых постов не доложил вовремя, и я не могу с ними связаться.

— Хорошо, сейчас буду.

— Да, адепт, — ответил Ковал, откидываясь на стуле в ожидании своего начальника.

В этот раз Хоук доигрался. Ему уже делали выговор с занесением, в результате которого он теперь торчит в горах. И если это его очередная выходка, то карьера гвардейца для него окончена.

Адепт Цицерин, пахнувший фимиамом и маслами, появился за спиной Ковала и склонился над панелью. Вокс-усилитель в трахее адепта издавал раздраженные помехи.

— Кто базируется на Сигме IV? — спросил он.

— Хоук, Чаредо и Хитч.

Вокс-усилитель адепта издал треск, который Ковал принял за проявление расстройства; очевидно, дурная репутация Хоука стала известна даже жрецам Бога Машины.

— Три раза пытался, адепт. Но даже сигнала ожидания не добился.

— Ну хорошо. Продолжайте попытки. Если через десять минут результата все еще не будет, пошлите патруль орнитоптеров на разведку. Держите меня в курсе.

— Да, адепт.

На этот раз Хоуку конец.

Хонсю видел тусклое мерцание космопорта впереди. Прыгающий свет фар автомобиля парой шарящих лучей пробирался сквозь мглу в их направлении. Он припал на колено и поднял кулак. За ним тридцать бронированных фигур с болтерами наготове сделали то же самое. Вряд ли лучи автомобиля могли пробиться сквозь плотный пыльный воздух на таком расстоянии, но рисковать смысла не было.

Свет удалялся, и Хонсю немного расслабился. Имперские войска стали беспечны из-за постоянной рутины. За последние несколько месяцев он изучил маршруты патрульных машин и засёк их расписание. Одному варпу известно, сколько времени эти солдаты базировались тут, но уж точно очень долго. Естественно, что их бдительность упала, и маршруты патрулей стали предсказуемы. Это неизбежная цена за долгую службу, и вскоре это их погубит.

Довольный тем, что патрульная машина ушла, Хонсю снова поднял кулак и резко раскрыл и сомкнул его несколько раз. Они были уже слишком близко к космопорту, чтобы говорить по воксу. Позади слышались тихие шаги, и он, повернувшись, увидел подкрадывающуюся к нему фигуру в запыленном доспехе с желто-красными шевронами. Горан Делау, его заместитель, присел рядом с ним на одно колено и кивнул.

Силовая броня подошедшего была серьезно модифицирована и инкрустирована черепообразными заклепками и чеканными изображениями искаженных лиц, хитро вмонтированными в края наплечников. Подвывающая серворука, похожая на когтистую лапу, торчала из-за плеча Делау и, словно бы дыша, разевала и смыкала свою ребристую пасть.

Хонсю указал на небо, затем снова сомкнул кулак и ударил им по ладони. Делау кивнул и отодвинул грубую задвижку на своем массивном ранце, настраивая медный диск на ее панели. Красная лампочка мигнула на безжизненном до того куске металла и, поморгав несколько секунд, осветила прибор мерным сиянием цвета крови.

Делау вознес руки к небесам, и его серворука повторила это движение. Хонсю не слышал его, но знал, что сейчас его заместитель благодарит Темных Богов за то, что те дали им возможность снова нанести удар по древнему врагу. Хонсю увидел красный свет на приборе Горана и постарался отложить этот момент в памяти. Целеуказатели, что размещались вокруг космопорта на этой мертвой скале в течение последних трех месяцев, сейчас были активированы и буквально вопили о своем местоположении. Это был самый опасный момент в их миссии. Имперцы в космопорте сейчас поняли, что рядом находится враг.

Если Темные Боги оставили их, то вскоре они все погибнут. Хонсю пожал плечами, и сервомускулы доспеха издали воющий звук, попытавшись сымитировать его жест. Раз боги решили его судьбу, то пусть так и будет. Он ничего не просил у них и ничего не ждал — лишь надеялся, что если уж погибнет на этом пустынном мире, то по воле богов, а не этого сумасбродного Кроагера.

Пронзительные вопли разразились в командном центре «Надежды» в тот момент, когда маркеры Хонсю закричали в небеса. Техники вынули прослушивающие аппараты из ушей, не в силах выдержать оглушающий вой сирен.

Адепт Цицерин, побледнев, уставился в монитор. Яркие точки пульсировали на карте. Каждая из них обозначала одну из торпедных установок или батарею ПВО, и операторы спешно пытались связаться с их персоналом, чтобы узнать, что произошло.

Они передают какие-то координаты? Их атакуют? Что, во имя Императора, происходит?

Цицерин вернулся к мониторам, положив руки на рифленые металлические приспособления в ручках кресла. Тонкие серебристые проволочные усики выскользнули из-под его ногтей, словно блестящие черви, и подсоединились к медным разъемам. Адепт вздохнул, и его органический глаз под бледным веком дернулся. Его поглотил поток информации, которая поступала по механодендритам из множества прослушивающих и прогнозирующих устройств вокруг космопорта.

Информация наполнила адепта, его сознание принизило пространственные векторы и расстояния. Осязание достигло космоса, направляемое сигналами орбитальных авгуров. Данные переливались в нем, и его искусственный мозг сопоставлял и структурировал их. Но даже его механические чувства с трудом справлялись с мощным напором поступающих сводок.

Это все неспроста, здесь должно быть что-то... Логика подсказывала, что всему этому есть причина. Что-то пошло не так...

Вот северный сектор! Он сузил восприятие, отключив остальные области, и сосредоточился на этой аномалии. Там, где должны были быть всплески энергии, исходящие из горного сектора, зияла лишь черная пустота. Смотровые станции северных склонов молчали, а их сканеры бездействовали. Он мгновенно увидел пустой коридор, через который враг мог подойти незамеченным прямо к периметру базы. Но почему этого никто не заметил? Почему местные операторы не доложили о столь непростительной лакуне в системе безопасности? Идентификатор той станции незамедлительно высветился — Сигма IV.

Он выругался, осознав, что аномалия была замечена, но оправдана тем, что станция не доложила вовремя из-за ошибки персонала, который был там в эту смену. Он снова выругался, забыв о бесстрастности, когда еще больше сирен завизжали в комнате управления.

Вздрыгнув, Цицерин открыл свой разум для еще одной порции данных, и его дыхание застряло в горле, когда он почувствовал присутствие десятков кораблей на орбите Гидры Кордатус. Непостижимо! Откуда все они взялись и почему их не засекли ранее? Ничто не могло незамеченным войти даже во внешние границы системы... Ведь так? Или это пример еще одной ошибки персонала? Нет, вычислительные системы завопили бы много дней назад, узнай они о приближении флота таких размеров. Эти корабли каким-то образом обманули самое редкое и драгоценное оборудование, доступное Адептус Механикус.

Мимолетом он подумал о том, что за технологию использовали эти корабли и как она действует, но тут же мотнул головой, отбрасывая эту чепуху. У него были дела поважнее. Защитников цитадели необходимо предупредить о скором вторжении. Он открыл мнемоканал связи с Храмом Машины архимагоса Амаэтона в цитадели и послал предупредительный

психосигнал. Астропаты, размещенные там, уловят его и перешлют более мощный сигнал о помощи, в которой нуждалась Гидра Кордатус.

Когда он поспешно закрыл мнemoканал и извлек механодендриты из разъемов станции наблюдения, то увидел, что «Надежда» стала образцом контроля и эффективности. Системные операторы вызывали торпедные шахты, подтверждая коды запуска и разрешая стрельбу по скоплению кораблей на орбите. Время было бесценно, и им необходимо запустить торпеды немедленно.

Сигналы тревоги сейчас звенели по всем казармам пилотов, и вскоре в воздухе будет туча самолетов, готовых встретить любую приближающуюся опасность, а солдаты Джуранских драгун сейчас готовились отразить нападающих. Адепт муштровал операторов постоянно, и теперь, когда все было по-настоящему, он был доволен, наблюдая спокойствие, проявляемое персоналом.

— Адепт Цицерин! — закричал один из операторов орбитальных мониторов. — У нас множественные сигналы, отделяющиеся от нескольких объектов на орбите.

— Опознать их! — рявкнул Цицерин.

Оператор кивнул, склоняясь над пультом, его пальцы бегали по нумератору под дисплеем.

— Слишком быстрые для десантных кораблей. Похоже, это орбитальные заряды.

— Определи их векторы! Давай, скорей же! — прошипел Цицерин, опасаясь, что ответ ему уже известен.

Пальцы оператора танцевали по клавиатуре, и от быстро движущихся пятен протянулись зеленые линии, упираясь в изображение поверхности планеты. Вокс-усилитель Цицерина затрещал от внезапного ужаса, когда он увидел, что вектор каждой бомбы почти полностью совпадал с сигналами, исходящими от торпедных шахт.

— Как?.. — прошептал оператор, и его лицо стало серым.

Цицерин поднял глаза к бронированному стеклу окна «Надежды».

— Там кто-то есть...

Почти тысяча человек погибли в первые же секунды бомбардировки, которой Железные Воины подвергли космопорт Иерихонских Водопадов. Боевая баржа «Камнелом» исторгла три залпа магматических бомб на пустынные каменистые склоны, окружавшие космопорт, подняв на сотни метров в воздух куски скал, с идеальной точностью размазывая торпедные установки.

Завыли сигналы тревоги, и орудийные батареи космопорта с грохотом развернулись на позицию стрельбы, в то время как их операторы отчаянно пытались определить цель, пока их самих не накрыло. Несколько наспех благословленных торпед взрехали в оранжевом небе, поднимаясь на столбах огненного дыма, и мощные лазерные лучи пронзили вечно безоблачные небеса.

Снова упали бомбы, на этот раз внутрь периметра Иерихонских Водопадов, разрушая здания, выдавливая огромные кратеры и поднимая в атмосферу колоссальные клубы коричневого дыма. Пламя от горящих построек осветило дым внутри и тела, лежащие в обломках разрушенного космопорта. Пораженный самолет рухнул на землю, уничтожая стоящие на земле машины. Огонь пожара перекинулся на их орудия и топливные баки.

Одни бомбы вламывались в рокрит, разбрасывая повсюду смертоносные осколки. Другие падали на взлетные полосы, растапливая их адамантий жаром звезд.

«Мародеры» и «Молнии» на открытых площадках пострадали от бомбардировки больше всех, их просто испарило силой взрывов. Шум и паника были невероятны; небо стало алым от пламени и черным от дыма. Мощный лазерный огонь бил вверх.

Часть попаданий пришлось в крышу главного ангара. Его бронированная конструкция поглотила этот удар, но теперь длинные трещины шли зигзагами по укрепленным стенам и крыше.

На главной взлетной полосе бушевало пламя, горящие озера авиационного топлива извергали клубы дыма, превращая день в ночь.

Ад пришел на Гидру Кордатус.

Глава 3

Первая волна капсул поддержки, запущенных с «Камнелома», приземлилась в клубах огня и дыма, с помощью посадочных двигателей завершив свое режущее путешествие сквозь атмосферу. В момент приземления удар привел освобождающие устройства в действие, и стенки каждой капсулы раскрылись.

Внутри, как и положено классу «Ветер смерти», располагались орудийные платформы с тяжелой автоматической артиллерией. Как только модули раскрылись, орудия извергли круговой поток смертельного огня. Новые взрывы прогремели в зоне поражения, когда снаряды достигли цели, уничтожая оказавшиеся беззащитными истребители и их пилотов. Боевая баржа прекратила орбитальную бомбардировку, уступив место новым стремительным волнам огня, следовавшим за первыми капсулами. Орудийные башни бронированных бункеров открыли стрельбу по вражеским орудиям, методически переводя прицел с мишени на мишень и разрушая модули точными выстрелами. Но «Ветер смерти» сделал свое дело, вызвав огонь на себя, пока вторая волна капсул стремительно неслась сквозь атмосферу, чтобы достигнуть поверхности без повреждений.

Кроагер крепче сжал рукоять цепного меча и затянул Литанию Ненависти Железных Воинов — в девятый раз с тех пор, как его челнок «Коготь ужаса» покинул пусковой шлюз «Камнелома». Объятый пламенем челнок жестоко трясло при прохождении атмосферы, но, как только турбулентность уменьшилась, он понял, что святотатственные ритуалы и приношения Силам Хаоса все же умерили их чудовищный голод. Шлем Кроагера скрыл его усмешку, пока он следил, как альтиметр в костяной оправе отсчитывает последние метры перед приземлением.

Сейчас они как раз должны войти в смертельно опасную зону обстрела орудий космопорта, но если этот полукровка Хонсю успешно выполнил свою задачу, то заградительный огонь с земли ослабнет или даже вообще прекратится. Кроагер презрительно скривился при мысли об этой дворняжке, поставленной во главе одной из Великих Рот Кузнеца Войны. Такая ответственность была слишком большой честью для ублюдка, и Кроагер ненавидел Хонсю всеми фибрами своей души.

Он оглядел закованных в броню воинов, сидевших вдоль стальных стен капсулы. Их покрытые вмятинами доспехи были цвета темного железа, а тяжеловесный, вычурный стиль свидетельствовал о по меньшей мере десяти тысячах лет истории. Оружие каждого воина было умощено кровью множества пленных, и воздух в челноке пропитался смрадом смерти. Во время полета воинов удерживали на месте ремни безопасности, но взгляд каждого был устремлен на диафрагму люка в полу капсулы, а мысли были наполнены предвкушением грядущей резни.

Кроагер лично выбрал убийц для своего отряда: это были самые кровожадные берсерки из его Великой Роты Железных Воинов, те, кто дольше всех следовал путем Кхорна. Черепа и смерть, любимая пища Кровавого Бога, стали для них самой желанной добычей, и едва ли они когда-нибудь вырвутся из круговорота жестокости и насилия, который поглотил их. Кроагер и сам не раз с головой погружался в неистовую радость убийства, столь угодную Кхорну, но пока еще не полностью отдался безумию жестокого божества.

Стоило воину лишь раз забыть себя в этом багровом тумане, и смерть становилась почти неминуемой, а у Кроагера еще были планы на будущее. Жаждающий крови Кхорн не был особо разборчив: ему было все равно, откуда берется воделенная влага, и последователи Кровавого Бога часто обнаруживали, что их собственная кровь ему столь же приятна, как и кровь врагов.

Включились тормозные двигатели, и тесное пространство капсулы наполнилось пронзительным воем, похожим на плач баньши. Злобный крик машин показался Кроагеру добрым знаком.

— Пусть кровь будет вашим девизом, смерть — вашим спутником, а ненависть — вашей силой!
— проревел он и поднял меч в ритуальном приветствии.

Лишь несколько воинов услышали его слова, остальные были слишком погружены в мысли о грядущей бойне. Это не имело значения; ненавистные слуги Империиума, приспешники дохлого бога, умрут, крича в агонии, когда он будет вырывать их души из растерзанных тел. Кроагер радовался шансу нанести удар древнему врагу и молил все силы варпа, чтобы честь пролить

первую кровь выпала ему.

«Коготь ужаса» с грохотом приземлился. Чудовищной силы удар пронзил толстые керамитовые пластины доспеха и болью отозвался во всем теле. Едва диафрагма люка открылась, как Кроагер уже был на земле, откатившись в сторону, чтобы освободить путь следующему воину. Густой серый дым, валивший из тормозных двигателей, мешал обзору, а жар от пылающего космопорта, вывел из строя тепловые сенсоры его шлема.

Вытаскивая из кобуры болт-пистолет, Кроагер вознес молитву могуществу Хаоса за то, что тот даровал ему возможность вновь сеять смерть среди врагов.

Адепт Цицерин был на грани паники. На его запросы помощи в цитадели никто не ответил, хотя там уже, безусловно, знали о чрезвычайной ситуации. Одно лишь предположение о том, что существовала вражеская сила, способная обойти следящую систему, а затем приблизиться к укреплениям, при этом оставаясь незамеченной и неопознанной, почти полностью лишило Цицерина самообладания. Он проклинал свою несовершенную органическую составляющую, которая сейчас корчилась от ужаса, и сожалел о том, что не обладает эмоциональной отстраненностью своих начальников.

Настенный монитор показывал, что в наружной стене образовалась брешь, а вокс-сеть была перегружена сообщениями о контакте с противником. Кричащие голоса, искаженные помехами, говорили о гигантах в доспехах цвета вороненого железа, убивающих всех, кто стоял на пути. Цицерин не мог организовать защиту, основываясь на столь невнятных донесениях, а сам хаос битвы...

Хаос.

Само слово окатило тело Цицерина горячей волной ужаса, и внезапно он понял, как именно их враги сумели обмануть сканеры. Проклятое волшебство, порожденное варпом, ввело в заблуждение духи машин, и те не увидели чудовищного зла, приближающегося к Гидре Кордатус.

Отсюда следовал логический вывод. Существовала только одна причина, по которой слуги Губительных Сил прибыли на эту планету, и Цицерин задрожал от страха при этой мысли. Беспорядочные огоньки вспыхивали на голографической карте базы, сигнализируя о том, что армия защитников покинула казармы и вступила в бой с врагом. Цицерин видел, что этого недостаточно: ущерб, нанесенный в первые мгновения атаки, был слишком велик.

Единственным утешением было то, что в «Надежде» ему и его персоналу ничто не угрожало. Не было ни шанса на то, что враг сможет проникнуть на верхний этаж бронированного здания. Ни единого шанса.

Одним ударом меча Хонсю разрубил хнычущего солдата пополам. Их атака сквозь брешь стала полной неожиданностью для Имперской армии, пытавшейся организовать оборону. Многие гвардейцы погибли еще раньше под камнями, когда выстрелы из тяжелого оружия

нападающих разбили стену.

Какой-то офицер, высунувшись из люка штабной «Химеры», попытался сплотить вокруг себя солдат, выкрикивая приказ не отступать. Хонсю выстрелил ему в лицо и перепрыгнул через оцетинившийся арматурой обломок рокрита, огромным мечом рубя оцепеневших от ужаса солдат. Очередь из тяжелого болтера, установленного в корпусе «Химеры», взрыла землю совсем рядом, поднимая фонтаны окровавленного пепла. Орудийная башня начала разворачиваться в его направлении, и Хонсю откатился в сторону.

— Уничтожить эту машину! — закричал он.

Двое железных гигантов, расположившиеся на стене и вооруженные крупнокалиберными пушками, навели длинные стволы своих орудий на цель. Сдвоенный поток ослепительно яркой энергии ударил в боевую машину, и через несколько секунд она исчезла в огненном вихре, усыпав обломками поле битвы. Пока Хонсю поднимался на ноги, еще одна «Химера» попыталась отодвинуться от пролома, прикрывая свое отступление орудийным огнем. Стрелки на стене методично перевели прицел на новую мишень и уничтожили ее с презрительной легкостью.

База пылала, но Хонсю наметанным глазом видел, что основные подъездные пути и посадочные площадки пережили бомбардировку с незначительными повреждениями. Собрав своих людей у подножия стены, он сориентировал свое положение с картой, отображенной на внутренней поверхности визора. В урагане дыма и пламени угадывались очертания высокой башни с приплюснутой круговой конструкцией наверху. Должно быть, это и есть контрольная башня — его следующая цель.

Поле боя было усеяно трупами и обломками: разбитые десантные капсулы, самолеты, горящие бронемшины, чей экипаж был или уже мертв, или из последних сил цеплялся за жизнь. Все больше Железных Воинов спускалось на планету, и небо испещрили огненные всполохи. Кроагер и Форрикс, командующие двумя другими ротами, уже, наверно, сеют смерть среди жителей этого мира. Хонсю не мог допустить, чтобы в глазах Кузнеца Войны его достижения выглядели менее значительными.

— Братья, они в наших руках, но бой еще не окончен. За мной, к победе!

Хонсю поднял меч и побежал к контрольной башне, зная, что захват такой цели будет щедро вознагражден. Кратчайший путь по прямой превратился в утомительное петляние между лужами горящего топлива и грудями обломков, оставшихся от бронетехники. После трех месяцев скрытных передвижений в горах Хонсю чувствовал огромное облегчение, получив шанс выпустить на волю свою ярость среди всеобщей бойни. Даже не будучи колдуном, он ощущал едкий вкус кровопролития в насыщенном смертью воздухе Гидры Кордатус.

То тут, то там вспыхивали отдельные очаги сопротивления, но один лишь вид тридцати несущихся в атаку воинов, с головы до ног покрытых кровью, мог сломить мужество даже сильных духом. Когда Хонсю, наконец, добрался до башни, с его клинка непрерывным

водопадом срывались тяжелые алые капли.

Он неохотно признал, что конструкция и оборонительные сооружения башни выглядели внушительно. Гвардейцы заняли заранее подготовленные позиции в редутах, расположение углов которых давало хороший сектор обстрела, сейчас пронизанный яркими вспышками лазерных выстрелов. За высокими стенами четырех связанных между собой берм виднелись антенны танков, но их расстановка Хонсю была пока не ясна. Бронированные бункеры, отмечающие четыре стороны света вокруг башни, поливали все вокруг потоком смертоносных пуль, превращая открытые участки местности в непроходимую ловушку.

Прогрохотало основное орудие одного из танков, заставив авточувства доспехов ослабнуть от перегрузки, и Хонсю со своими людьми укрылся за искореженными обломками «Мародера». Клубы дыма и каменной крошки дождем низвергнулись на землю, послышались крики раненых взрывом. Придется двигаться быстрее, или защитники цитадели сумеют провести контратаку, прежде чем Железные воины укрепят свою позицию.

В боку самолета была рваная дыра, и, оттолкнув в сторону труп пилота, Хонсю смог наконец осмотреться и обдумать ситуацию. Угловые бункеры были ключом к победе: как только они будут захвачены, линия имперской обороны сломается. Шквал огня из орудий бункеров был убийственным, и любая попытка прорваться сквозь него заставит атакующего дорого поплатиться за свою глупость. Хонсю криво усмехнулся, заметив на земле несколько воинов Кроагера, судя по их виду, берсерков, чьи тела были практически разорваны в кровавые клочья. Слабая надежда на то, что среди павших был сам Кроагер, быстро угасла: несмотря на всю свою безрассудность, Кроагер был далеко не глуп и не стал бы рисковать своей жизнью без крайней на то необходимости.

Едва подумав об этом, он заметил своего соперника примерно в двухстах метрах от себя. Атака Кроагера на башню провалилась, и теперь он палил по имперским солдатам из болт-пистолета, правда, безрезультатно. Хонсю понял, что это его шанс.

Ползком перебравшись к своим артиллеристам, он кулаком ударил по наплечникам стрелков с лазпушками, перекинутыми через плечо с такой же небрежностью, с какой обычный человек мог бы нести трость. Стрелки повернулись, кивками приветствуя своего командира.

Вновь прогрохотал танк, и еще один снаряд разорвался поблизости, осыпая землю градом обломков. Хонсю указал на башню и прокричал:

— По моей команде цельтесь в угол ближайшего бункера и стреляйте, пока не пробьете защиту.

Артиллеристы кивнули, и Хонсю двинулся дальше. Он знал, что обрекает этих людей на смерть, но это не имело значения. Еще один из его стрелков был вооружен крупнокалиберной пушкой с толстым, испещренным прихотливыми следами пламени и угрожающе шипевшим стволом. Доспех стрелка покрывали копоть и вмятины, но сама пушка выглядела так, словно только что вышла с оружейного завода.

— Когда лазпушки пробьют стену бункера, я хочу, чтобы ты залил вовнутрь столько мельты, чтобы даже камень потек, словно жижа.

Не дожидаясь ответа, Хонсю откатился назад к лазпушкам и махнул в сторону бункера, по воксу отдав приказ всем взводам приготовиться к атаке. Вскарабкавшись на разбитый «Мародер», он наблюдал, как двое воинов с лазпушками вышли на огневые позиции и прицелились. Один за другим мощные лазерные импульсы врезались в выступ исходящего угла бункера, вырывая из стены куски армапласта и рокрита. Заметив новый источник опасности, имперские стрелки перевели прицелы на артиллеристов, взрывая землю лазерными и болтерными очередями.

Оба Железных Воина не обращали внимания на ведущийся по ним огонь, продолжая обстреливать цель залпами разрушительной энергии. Хонсю увидел, как раскололась угловая стена бункера, а рокрит раскалился до ярко-оранжевого цвета. На какое-то мгновение казалось, что артиллеристы выживут, несмотря на обрушившийся на них шквал огня.

Но артиллерийские орудия Империи сделали свое дело, похоронив обоих Железных Воинов под пылающим ливнем снарядов. Прежде чем утихли взрывы, стрелок, вооруженный мультимельтой, вышел из укрытия и бросился вперед. Пока орудие заряжалось, слышался резкий визг, достигший оглушительной громкости перед тем, как дуло пушки выплюнуло раскаленный разряд мельты. Цель была взята точно, и воздух в бункере вскипел с силой атомного взрыва, превращая живую плоть в пар. Сгорающий кислород длинными языками пламени выплеснулся из амбразур бункера.

В линии обороны башни была пробита огромная брешь.

— Смерть Лже-Императору! — проорал Хонсю, поднимаясь из укрытия.

Перепрыгнув через фюзеляж разбитого «Мародера», он устремился к пылающему аду, в который теперь превратился бункер: бронированные стены оседали на землю, как расплавленный воск. Его воины незамедлительно последовали за ним. Где-то слева Кроагер пытался организовать своих людей для атаки, прекрасно понимая, что Хонсю первым доберется до башни.

Взобравшись на руины бункера, Хонсю почувствовал, как бронированные ботинки его доспеха погружаются в расплавленный камень. Жар был достаточно сильным, чтобы опалить даже доспехи Железного Воина, но материал выдержал, и через мгновение Хонсю был уже в самом сердце обороны башни.

Он походя отметил масштабы разрушения, учиненного его людьми, и остался доволен кровавыми результатами своих трудов. Земля была усеяна разорванными на куски телами, обугленными и почерневшими, — все, что осталось от гвардейцев, располагавшихся в непосредственной близости от бункера. Плоть и даже кости моментально обратились в уголь в результате обратной тяги, возникшей после мельта-выстрела. На куче обломков покоилась голова с открытым в крике ртом, словно нарочно поставленная туда каким-то эксцентричным

шутником. Проходя мимо, Хонсю пинком сбил ее.

Видя, что Железные Воины приливной волной вливаются в новую брешь в их обороне, имперские солдаты судорожно попытались реорганизовать линию обороны. Огромный танк — «Леман Русс» класса «Разрушитель» — показался из укрытия, и его тяжелое башенное орудие начало разворачиваться в сторону атакующих. Над головой пронеслись снаряды, выпущенные из установленных на спонсонах пушек, и Хонсю плашмя упал на землю, слыша, как новые осколки рикошетом пронзают каменное крошево на земле вокруг него. Раскаленная мельта полыхнула белой вспышкой, и орудийная башня «Разрушителя» погрузилась в огненный ад. Пар и дым окутали танк на несколько секунд, но невероятным образом он продолжил движение, выбираясь из кипящего облака.

Медленно, словно само время остановилось, ствол основного орудия танка подался назад, и Хонсю понял, что грядущий выстрел разнесет его на атомы. Но вместо этого раздался ужасающей силы грохот, орудийную башню подбросило вверх, а сам танк разлетелся на части в результате детонации снаряда в стволе орудия. Обломки смертоносным ливнем накрыли ряды имперских защитников, словно косою срезая людей и оставляя от тел лишь окровавленные куски. Хонсю заорал от восторга, поняв, что случилось: жар от мельта-заряда искривил ствол орудия, его заклинило, и взрыватель снаряда сработал преждевременно.

Поднявшись на одно колено и отдавшись на волю безумия битвы, он открыл огонь из болт-пистолета по тем, кому посчастливилось пережить гибель «Разрушителя».

Приведенные в бешенство видом крови, берсерки Кроагера взбирались на разбитые стены редута, не обращая внимания на раны, которые давно уже свалили бы обычного человека. Точно спланированные атаки и здравые принципы военного дела были им чужды. Тела просто отбрасывались в сторону, разорванные на куски голыми руками, если не было подходящего оружия.

Хонсю заметил Кроагера в окружении его воинов — тот прокладывал себе путь сквозь груды тел, рубя цепным мечом направо и налево — и отсалютовал товарищу, но, как и следовало ожидать, Кроагер не обратил на него внимания. Спрятав усмешку под визором шлема, Хонсю устремился к башне сквозь пылающие останки «Разрушителя».

Адепт Цицерин наблюдал за кипящим на земле боем с отстраненностью аналитика. Приступ паники прошел, и теперь, находясь в полной безопасности внутри «Надежды», он видел атаки и контратаки сражающихся как танец цветных значков на топографическом плане базы. Красные значки окружили башню, время от времени подкатываясь к самым ее стенам, но каждый раз вынуждены были отступить под огнем защитников.

Цицерин чувствовал смутный стыд за ту мимолетную растерянность, которая охватила его ранее, и вновь пообещал себе испросить позволения на следующий уровень симбиоза со священной машиной. Как только эти нечестивые создания будут разгромлены, он обратится с соответствующей просьбой. Несмотря на прошлые недочеты, разве сможет архимагос Амаэтон отказать ему в этот раз, после столь умелой обороны Иерихонских Водопадов? С довольной улыбкой он отметил, что на экране погасли еще несколько красных значков.

Но вся радость пропала, когда иконка, обозначающая южный бункер, вместо синего цвета нормального статуса окрасилась в зловещий черный.

— Третий оператор, что случилось? — спросил Цицерин.

— Бункер уничтожен, — последовал ответ Ковала Перонуса. — Секунду назад он был там, а теперь его больше нет!

Оцепенев, Цицерин наблюдал, как волна красных значков накрыла собой место, всего несколько мгновений назад бывшее одним из столпов его обороны. После первого прорыва крушение всей линии защиты прогрессировало с кошмарной скоростью. Методично ликвидируемые синие значки гасли один за другим. Фантазия Цицерина оказалась не в силах даже вообразить масштабы резни, развернувшейся в каких-то двадцати метрах от него.

В забранных бронированным стеклом окнах виднелись мрачные сполохи пламени, но ни единый звук не проникал в контрольный пункт, отчего казалось, что происходящее снаружи не имеет к этому месту никакого отношения. А между тем, прямо у основания башни несметное число жизней уже угасло, и еще многим предстояло погибнуть, прежде чем кровопролитие завершится.

Цицерин мог утешить себя только верой в то, что сама башня была абсолютно неприступной, и что он сделал все, от него зависящее, чтобы предотвратить катастрофу.

В районе главного входа вдруг раздался тяжелый глухой удар, и весь персонал башни в страхе замолчал.

— Что это было, во имя Машины? — в ужасе прошептал Цицерин.

Форрикс наблюдал, как дверь содрогается под ударами осадного молота дредноута: адамантиевая пластина в несколько метров толщиной уже начала прогибаться. Ревущая машина войны неизбежно снесет дверь с петель — это был только вопрос времени. Два десятка сильнейших из Железных Воинов стояли наготове у огромных цепей, закрепленных болтами в специальных кольцах на ногах и плечах дредноута, чтобы удержать машину после того, как вход в контрольную башню будет открыт.

Он живо представил себе те мучения, которые должна была испытывать проклятая душа, навечно заключенная в покрытом броней саркофаге. Никогда больше не испытать восторга от убийства, не почувствовать, как поет кровь в твоих венах, когда ты забираешь чужую жизнь, а чужая плоть становится добычей твоей, — такая судьба сулила только горе и страдание. Неудивительно поэтому, что некогда разумное существо, помещенное в оболочку дредноута и приговоренное к вечности в ее холодных железных стенах, неизбежно погружалось во мрак безумия.

Эти лишённые разума машины войны, по крайней мере, находили в безумии свое спасение.

Для самого же Форрикса убийство давно уже перестало быть источником радости. Десять тысяч лет безжалостной войны — достаточный срок, чтобы познать во всей ее мрачной полноте человеческую способность нести жестокость и смерть. За свою долгую жизнь ему доводилось бесчисленное количество раз стрелять, рубить, пытаться, душили, ломать, забивать до смерти и расчленять своих жертв, и его память не сохранила воспоминаний ни об одной из них. Каждая новая смерть терялась в бесконечной череде террора, ставшего его работой, чувства притупились, а битва уже не вызывала, как раньше, очищающего душу наслаждения.

Еще раздавались единичные выстрелы, но последние очаги сопротивления гасли один за другим. Воины полукровки зачищали развалины бункера от остатков имперских сил, и хотя Форрикс считал, что Хонсю навсегда опорочен своим происхождением, он не мог не признать его компетентность как командира. Более того, Хонсю все еще верил в мечту Хоруса объединить человечество под знаменем непобедимых Сил Хаоса.

Некоторое время Форрикс наблюдал, как мечется Кроагер, сгорая от желания выпустить свою ярость на волю. Нетерпеливость коллеги уже давно перестала злить Форрикса и теперь вызывала только раздражение. Кроагер был опытным убийцей, десять тысячелетий сражавшимся с врагами Кузнеца Войны, но ему не хватало мудрости, которая должна была бы прийти за столько веков битвы и отчаяния. В отличие от Хонсю, Кроагер давно уже не задумывался о благе человечества. Он дрался из алчности, любви к смерти и желания отомстить тем, кто так давно нанес Железным Воинам жестокое поражение.

А что он сам? Форрикс уже не помнил, за что бьется, и знал лишь, что это — единственное, что он умеет делать. Он был обречен с того момента, как решил нарушить клятвы верности Императору. С тех пор все прочие пути для него были закрыты.

Его воины сомкнутыми рядами выстроились за ним, готовые приступить к обширной операции по доставке с орбиты материально-технического обеспечения в виде десятков тысяч невольников, рабочих, солдат и военных машин. За века, прошедшие со дня предательства на Терре, Форрикс провел сотни таких операций и мог доставить на место и подготовить к бою тысячи людей за менее чем пять часов.

До тех пор, пока не придут титаны, массивная конструкция башни была неуязвима, а Кузнец Войны ясно дал понять Форриксу, что быстрота должна стать ключом к этой кампании. Пока башня не окажется в их руках, нельзя было рисковать, переводя тяжелые грузовые корабли и пехотные транспорты на низкую орбиту. Вполне вероятно, в горах были спрятаны торпедные шахты или орбитальные батареи, установленные там как раз для того, чтобы сбивать столь лакомые мишени.

Как только Кроагер захватит башню, можно начинать высадку.

А затем этот мир охватит пламя.

На глазах у Кроагера дредноут сорвал погнутую дверь с петель и отшвырнул прочь тяжелый кусок металла. Безумный вой машины эхом прогрехотал по всему космопорту, когда хранители

дредноута оттащили массивную тушу в сторону от прохода с низким потолком, ведущего внутрь башни.

Зарывав, Кроагер проломился сквозь остатки бронированной двери, чувствуя, как возбуждение заставляет кровь быстрее струиться в венах. Жажда убийства стала почти невыносимой, а бесконечные препятствия на пути к башне только еще больше разожгли его ярость. Следом за ним, крича и ревя, устремилась волна облаченных в доспехи воинов, несущих смерть в последний оплот имперской обороны. Вспышки лазерных выстрелов сверкали вокруг, но даже прямые попадания, рикошетившие от доспеха, не могли остановить его.

Внутренние помещения башни защищало около пятидесяти человек — жалкие трусы, молившие о невозможном спасении, пока их товарищей снаружи беспощадно уничтожали. Атака Кроагера была нацелена прямо в сердце обороны, в то время как Железные Воины, вооруженные тяжелыми болтерами, заняли позиции по обе стороны у входа в башню, откуда горгульи пасти их стволов теперь выплевывали очереди выстрелов по баррикадам защитников.

Всего пять размашистых шагов понадобилось Кроагеру, чтобы оказаться среди имперских солдат, теперь падавших от каждого взмаха его меча. Кровавые струи забрызгали стены, от которых эхом отражались крики ужаса при виде Железных Воинов, убивавших любого, кто посмел встать у них на пути. Битва была неравной, и Кроагер зарывал от досады, высвобождая меч из тела последнего поверженного солдата. Расправляться с подобными слабаками было просто неспортивно. Жители Имперiums стали слишком изнеженными.

Ни один из солдат, оборонявших башню, не смог бы с честью выстоять в последнем бою на стенах Терры. Кроагер встряхнул головой, прогоняя старые воспоминания. Битва, развернувшаяся здесь и сейчас, еще не закончилась.

Сидя на своем посту у мониторов, адепт Цицерин готовился к смерти. Из динамиков вокс-сети слышались крики гибнущих людей, и Цицерин чувствовал, как его вновь охватывает ужас, жгучий и удушливый. Дрожь в руках невозможно было унять, а ноги отказывались повиноваться. Он умрет. Логические стеки в его технически усовершенствованном мозгу предсказывали единственный возможный исход, и им было все равно, насколько горячо он молился.

Весь персонал контрольного пункта сбился в тесную, дрожащую группу в дальнем конце комнаты; люди держались друг за друга, чувствуя приближение смерти. Особняком стоял только Ковал Перонус: вооружившись двумя лазпистолетами, он нацелил их на дверь. Цицерин не питал никаких иллюзий насчет прочности двери и был до глубины души поражен решимостью, читавшейся в лице его подчиненного.

Внезапно оглушительные крики и рокот битвы внизу стихли, и Цицерин понял, что все имперские солдаты мертвы. Странно: совсем недавно он мнил себя в полной безопасности, и вот в один миг эта уверенность обратилась в ничто. На лбу Перонуса выступили капли пота, под скулами заходили желваки, а руки едва заметно дрожали. Несмотря на страх, этот человек решил не отступить, даже зная, что победа невозможна. Цицерину не нужно было быть военным, чтобы распознать в нем истинное мужество.

Цицерин заставил свое не желающее слушаться тело подняться и встал рядом с Перонусом. Может быть, ему и предстоит вскоре погибнуть, но, как адепт Бога Машин, он погибнет стоя, не склонившись перед врагом. Заметив рядом с собой Цицерина, Ковал еле заметно улыбнулся, коротким кивком выразив благодарность начальнику за поддержку.

Он протянул один из пистолетов Цицерину:

— Вы когда-нибудь стреляли из такого по настоящему противнику?

Цицерин покачал головой.

— Я пятьдесят лет контролировал производство на оружейном заводе на Грифоне-5, но ни разу не опробовал их продукцию в деле.

Горло неожиданно пересохло. Это было самое длинное предложение из всех, что он когда-либо говорил своим подчиненным.

— Ничего сложного. Просто наводите на цель и жмете на спусковой крючок, — объяснил Перонус. — Я поставил мощность выстрела на максимум — так у нас хотя бы будет шанс ранить одного из этих еретиков. Три, в лучшем случае четыре выстрела. Не позволяйте им пропасть впустую.

Цицерин кивнул, слишком напуганный, чтобы говорить. Пистолет оказался тяжелым — смертоносно тяжелым. Пусть приходят, подумал он. Пусть враг придет и обнаружит, что адепт Этольф Цицерин готов к встрече.

Пригнувшись, Кроагер ждал в конце коридора, ведущего к пункту управления, пока двое Железных Воинов размещали по центру двери мelta-заряды направленного действия. Обернувшись, они кивком предупредили командира и отступили в укрытие, активировав таймеры. Через мгновение заряды взорвались вспышкой ослепительно белого света.

По ту сторону ничто не двигалось: ни выстрела, ни брошенной гранаты, ни смельчака, решившего погибнуть, сохранив хотя бы остатки чести. Лишившись возможности добиться славы в честном бою, Кроагер в ярости проломил себе путь сквозь тлеющие обломки двери, снеся при этом и часть стены.

Сквозь клубы дыма он разглядел фигуры двух человек с пистолетами в дрожащих руках. Вот, возможно, и враг, достойный его клинка. Кроагер оскалился, почуяв их страх.

Но радость его была недолгой. Оба оказались гражданскими, один — техник с тонзурой на макушке, другой — из когорты еретических жрецов машины.

Что же они могли противопоставить ему, до чего не додумались сотни убитых им ранее?

Человек в одеждах служителя машины выкрикнул что-то и выстрелил, но попал лишь в стену рядом с Кроагером. Техник нажал на спусковой механизм секундой позже, и выстрел оставил вмятину на силовом доспехе, заставив воина отшатнуться назад. Прежде, чем приспешник Империи смог выстрелить снова, Кроагер бросился вперед и с размаху ударил его в лицо кулаком с такой силой, что голова безумца слетела с плеч, а из тела выплеснулся фонтан крови вперемешку с обломками костей.

Адепт выстрелил снова, на этот раз попав Кроагеру в спину. Он резко развернулся и вырвал пистолет из руки жреца, заодно оторвав и всю кисть. Адепт упал на колени, в ужасе глядя на истекающую кровью рваную культю.

Достав из кобуры свое оружие, Кроагер уже был готов разделаться с жалким трусом, но его остановил вкрадчивый, похожий на шипение голос, раздавшийся из разрушенного дверного проема.

— Ты собираешься отнять у меня победу, Кроагер? Крайне неразумно с твоей стороны.

Кроагер обернулся, ощущая, как кровь приливает к лицу, и опустил пистолет.

— Нет, мой повелитель, — запинаясь, ответил он и упал на колени. Неожиданное появление Кузнеца Войны заставило его почувствовать себя благоговейным ничтожеством.

Один из самых могущественных командиров Железных Воинов прибыл, чтобы насладиться победой, и комната наполнилась тьмой. Кроагер едва мог разглядеть доспехи цвета почти черного железа и жестокое лицо, тускло светившееся во мраке, — лицо, источавшее столь ужасающую силу, что Кроагер едва сдержался, чтобы не замарать шлем рвотой от одного только присутствия своего предводителя.

Доспех Кузнеца Войны из вороненого железа не имел себе равных; даже не поднимая глаз, Кроагер видел рябь, бегущую под его просвечивающей поверхностью, где клубились аморфные образы и искаженные гримасами лица. Их стоны, исполненные страданий, звучали почти на грани слышимости — плач душ, навеки заточенных внутри проклятого тела Кузнеца Войны. В грохоте его шагов слышался груз прожитых веков и безграничная власть того, кто сражался на ненавистной Терре рядом с примархом Легиона, великим Пертурабо.

Клубы призрачного дыма отмечали путь Кузнеца Войны, и каждый, прежде чем рассеяться, извивался и скручивался, словно от боли. Пока ему не будет позволено, Кроагер не смел посмотреть на своего командира, иначе ему грозила мгновенная смерть от руки одного из терминаторов-телохранителей. Они замерли на почтительном расстоянии от своего повелителя, пока тот медленно обошел вокруг Кроагера.

Кузнец Войны провел закованными в броню пальцами по вмятинам, оставшимся на доспехе его воина после боя, и Кроагер вновь почувствовал подступающую липкую тошноту. Каждая клетка его тела содрогалась от этих прикосновений, и только благодаря мантре ненависти, которую он безостановочно повторял, Кроагер не потерял сознание. Хотя боль была почти

невыносимой, он страстно желал обрести такую же силу. Каково это — подчинить себе энергию имматериума, заставить его силу течь в своих венах вместо крови?

— Ты действуешь опрометчиво, Кроагер. Неужели десять тысяч лет войны тебя ничему не научили?

— Я хочу только служить, убивая всех, кто мешает нам исполнить наше предназначение.

Смех Кузнеца Войны был подобен звуку земли, падающей на гроб в могиле.

— Не говори мне о предназначении, Кроагер. Я знаю, ради чего ты сражаешься, и возвышенные слова тут ни при чем.

Кузнец Войны склонился над ним, и волна слепящей боли пронзила череп Кроагера.

— Меня устраивает, что ты уничтожаешь лакеев дохлого бога, но постарайся сделать так, чтобы твои потребности не мешали удовлетворению моих.

Не в силах произнести ни слова, Кроагер кивнул, вновь ощутив, насколько близко Кузнец Войны подошел к моменту трансформации. Оставаться в сознании становилось все труднее.

Кузнец Войны отвернулся, и Кроагер вздохнул с облегчением. Предводитель Железных Воинов стоял рядом со все еще дрожащим телом адепта. Краем глаза Кроагер мог различить расплывчатый контур фигуры своего повелителя, который склонился над скулящим в страхе жрецом с окровавленным обручком вместо руки.

— Джарек Келмаур, мой колдун, упоминал этого человека. Однорукий служитель машины. Он важен для меня, Кроагер, а ты почти что убил его.

— Я...я прошу прощения, мой повелитель.

— Ты его получишь, если позаботишься о том, чтобы он остался в живых.

— Он будет жить.

— Если он умрет, ты отправишься следом прямо в ад, — пообещал Кузнец Войны и широким, величественным шагом покинул зал.

С уходом командира Кроагер почувствовал, как тошнотворные спазмы постепенно стихают, и поднялся на ноги. Подойдя к хнычущему от боли, залитому кровью адепту, он взял за его мантию и резким, бесцеремонным движением потащил к выходу.

Причины, по которым Кузнец Войны пожелал сохранить жизнь этому человеку, были неведомы Кроагеру, но если на то воля его повелителя, пусть будет так.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/674193>